

«Прибейте порог»
(Трагикомедия в одном действии)

Действующие лица:

Надя – математик-домохозяйка, 60 лет

Андрей Иванович – кандидат математических наук, 63 года

Надежда – та же Надя, только без очков. Единственная, кто понимает, что происходит. На каждой реплике снимает очки.

Катя – 27 лет, дочь Нади и Андрея Ивановича

София Михайловна – 62 года, подруга семьи

Борис Петрович – 65 лет, друг семьи

Полутемная комната дачного дома, шторы занавешены. В кресле сидит Надежда. Она выжидающе смотрит вперед, как будто перед ней зрители. Рядом с ней, на журнальном столике, лежат очки.

На столе – вазочка с конфетами. Шкаф-секция. В одной половине – хрусталь, в другой - книги.

НАДЕЖДА. В моем возрасте то, чего не было – уже не будет. Всю свою жизнь я была любима. Меня никогда не унижали. От меня никогда не откупались. Мною никогда не манипулировали. Мною восхищались, меня признавали, ценили. А еще дарили цветы каждую неделю. Вроде такая мелочь, такая деталь, а так приятно. У меня была невероятная жизнь, наполненная и счастливая. И если это не моя жизнь, я не хочу ее помнить. Я знаю секрет счастья. И я вам его расскажу. Начнем с того, что рано-рано утром, вы должны услышать чьи-то шаги и скрип половиц...

В комнату входит Борис Петрович. Он не видит Надежду. Он широким шагом переступает порог. На цыпочках, тихонечко подходит к столу.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Тьфу ты! Одни сосульки остались. (Задумался не на долго) А, хрен с ним!

Берет жменю конфет и засовывает в карман. Одним большим шагом подходит к стеллажу с книгами. Тщательно изучает.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Таааак! Так-так-так. Маркс - это пшеничка. Рановато для пшенички. О! Шопенгауэр! Это тоже пшеничка, но на особый случай. Есенин, упаси боже. Так-так-так, Рембо! И брызжет виноград, дорогу обгадря...

НАДЕЖДА. Какие глубокие познания литературы, конечно. Как вы можете догадаться за книгами мы держали бар. Все верно, Борис Петрович, Рембо – отличный выбор.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Иди сюда, родненькая. Бедная, аж пылью покрылась.

НАДЕЖДА. Конечно, покрылась. Заходить надо чаще, Борис Петрович.

Достает Рембо, а за ним бутылочку коньяка. Немного отливает к себе в термос. Проверяет, сколько осталось, усмехается и делает глоток из бутылки. Ему легчает. Борис Петрович громко выдыхает.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ох, хоть к ране прикладывай.

Достает из кармана конфету, разворачивает и отправляет в рот. Возвращает на место бутылку и книгу. Одним шагом переступает комнату и оказывается возле порога. Порог сломан. Борис Петрович нагибается и тянет порог на себя, доламывая его. Оборачивается на комнату.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Прости господи, тьфу ты.

Борис Петрович. уходит. Надежда подходит к порогу, оглядывает его

НАДЕЖДА. Борис Петрович, сам того не ведая, поспособствовал моему становлению. Но все по порядку. Но... (*принюхивается*) по-моему сердечки скоро сгорят...

Надежда подходит к двери и надевает очки.

Уходит.

Слышны звуки кухни: шипение при жарке, вода из включенного крана, звон тарелок. Тихо играет радио.

Та же комната. Надя вносит тарелки, спотыкается о порог, не падает. Ставит тарелки. Подходит к окну и открывает шторы. Долго смотрит перед собой. Громко решительно выдыхает. Подходит к стеллажу с книгами. Вытягивает одну из них. За ними достает бутылку ликера. Берет в соседнем серванте рюмку, наливает ликер, оглядывается по сторонам, и выпивает на манер водки. Наливает вторую.

Звук двери. Сквозняк. Надя быстро прячет стопку за спину, София Михайловна, влетает в комнату и спотыкается о порог. В руках четыре фужера.

НАДЯ: Аккуратнее, не споткнитесь!

София Михайловна проносится мимо Нади, ставит фужеры. Забирает у Нади рюмку с ликером, выпивает на манер водки.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Надя, твою мать, когда вы его уже прибьете?

НАДЯ. Андрей Иванович обещал к концу следующей недели прибить. В пятницу, между шестью и восьмью вечера.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. (*передразнивает*). Андрей Иванович обещал. Андрей Иванович обещал. Обещать не значит жениться, Надя!

НАДЯ. София Михайловна, я привыкла к нему.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Надя, ты же из-за него чуть не убилась недавно. Я своими глазами видела.

НАДЯ. Я в последней раз из-за него убивалась, когда думала, что он нашу свадьбу проспит.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Надя, ну давай Боре бутылку дадим. Он его и прибьет. Молоточком так тук-тук. И прибил. И еще раз так тук-тук, чтоб точно не убежал.

НАДЯ. И вторую ему дадим - за молчание.

Женщины смеются.

НАДЯ. Софа, да привыкла я. Пойми, даже если починим его, все равно спотыкаться буду. Я по-другому и не могу теперь. Да и Андрей Иванович не жалуется чужих в доме. Я даже сантехников вызывала всегда в тайне от него. А сегодня утром как будто шаги слышала здесь в гостиной. Подниматься не хотела, думала – показалось. А если бы Андрей Иванович услышал, то это все! Убил бы даже, если бы никого здесь и не было.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ой, этот бы убил! Ага, сто раз. А он не знает, что сегодня?

НАДЯ. Нет. Я сама узнала только 2 часа назад. Сразу тебе позвонила. Она специально не предупреждала. Знала же, нам это не понравится. А Андрею Ивановичу, волноваться нельзя, у него сердце больное. А если бы я не позвонила ей сегодня, то и я бы не знала. Ой, не знаю, что это сегодня будет. Я даже решила сердечки его любимые приготовить. А это столько мороки.

Вздых. Обе скрещивают руки. Надя стоит на месте, София Михайловна закладывает руки за спину.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Надя, может почитаем еще чего, а?

НАДЯ. Можно, София Михайловна. Все утро хочется поэзии.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. А что у вас за Есениным стоит?

НАДЯ. Софа, неважно! Для 11 утра рано!

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ладно, ладно, хрен с ним. А что это ты вот это пила?

НАДЯ. О, это за Байроном. Ликер!

София Михайловна достает ликер за Байроном. Наливает в рюмки из серванта. Надя медленно пьет. София Михайловна – на манер водки. Наливает себе вторую, делает маленький глоток, смакует.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Надька...*(причмокивает)* это ж как шоколадка...*(пьет и причмокивает)*...с молоком... и с водкой! Ой хорошо-то как!

Допивает, ставит рюмку обратно в сервант. Медленно оборачивается

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Катька ваша дурноватая, конечно, но девка добрая. Я ее как свою люблю и ему в обиду не дам.

Звук хлопнувшей двери. Ветер. Женщины замолчали и быстро убрали рюмки в сервант. Перепрыгивая порог врывается Андрей Иванович и поет на мотив романса:

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Когда яблони расцветут
Я приду к тебе с цветами
Ты посмотришь в окно - я уже тут
Стою с босыми ногами...

Надя снимает очки

НАДЕЖДА. Боже, и откуда он взял эту ужасную песню? Наездился, бедный, в маршрутках, наверно

Надежда надевает очки

НАДЯ. Андрей Иванович, ну я же помыла только! Куда в ботинках?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты скажешь, как хорошо

Что ты пришел с цветами
Вот только я не пойму
Че с твоими ногами

Андрей Иванович достает из-за спины огромный букет в блестящей бумаге. Делает шаг к жене, обнимает за талию и кружит в танце.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Твою ж! На кухне горит что-то. Сердечки, наверное. Щас гляну, кружитесь.

Надя освобождается от объятий Андрея Ивановича. Снимает очки.

НАДЕЖДА. Вот за что люблю София Михайловну, так это за тактичность.

Надежда надевает очки. София Михайловна выбегает

НАДЯ. Какая красота! Андрей Иванович, спасибо за цветы!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наденька, между прочим, кто влюблен – навсегда превратил свою жизнь в цветы.

НАДЯ. Андрей Иванович, я просила купить горошек.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя, я забыл...

НАДЯ. Какой же салат без горошка?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Душа моя, не печалься. Черт с ним, с горошком этим. Я вижу, главное вы подготовили, бокалы вот, один-два-три-четыре. А горошек мы Борьку попросим купить.

Подходит к телефону. Берет трубку. Крутит диск.

София Михайловна входит в комнату. Огромным шагом переступает через порог.

У нее в руках еще один фужер

Андрей Иванович замечая еще один бокал в руках С.М. застывает с телефонной трубкой возле уха.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Потом поговорим.

Андрей Иванович медленно кладет трубку. Меняется в лице.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надюша, дорогая, разве мы еще кого-то ждем?

НАДЯ. А вообще, знаешь, что подумала? Не нужен нам этот горошек! Без него даже лучше будет

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Кого мы ждем?

НАДЯ. А на десерт будет наполеон. Я сначала штрудель хотела. Но ты ведь наполеон больше любишь.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Какой нахрен наполеон...

НАДЯ. Вот я и говорю, что штрудель будет..

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. КТО ЧЕРТ ПОБЕРИ ПРИДЕТ?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Придет твоя дочь Катя. Хотя возможно фужер ей и не понадобится.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Что?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ну может на сносях она.

НАДЯ. Андрей Иванович, милый, у вас же сердце, помните, вам нельзя нервничать. Софа, что ты такое говоришь? Ну откуда ты знаешь?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ну, а зачем она решила приехать через пять лет- то? С годовщиной вас поздравить? К гадалке не ходи, залетела, девка!

НАДЯ (*хватаясь за сердце*). Так. У меня, по-моему, тоже сердце.

Андрей Иванович пытается прийти в себя. Надя жестами умоляет Софию Михайловну сменить тему и успокоить Андрея Михайловича – размахивает руками в районе шеи.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Здравствуйте, Андрей Иванович! Не здоровались еще.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Добрый день, София Михайловна!

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Поздравляю вас с концом учебного года! Теперь будет больше времени на диссертацию. Когда вам, кстати, сдавать следующую главу?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Т-а-а-а-к,.. одну секунду, из головы выпало... надо посмотреть.

НАДЯ. 12 июня

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Спасибо, Наденька. (*Пауза*) Так какого черта? Я же ей сказал, что ноги ее здесь не будет. (*Смотрит на Надю*) Это ты ее позвала? Давай говори! Думаешь не знаю, что вы за спиной у меня общаетесь? Думали дурака из меня сделать?

Надя снимает очки

НАДЕЖДА. Начнем с того, что дурака из тебя сделали не мы...

Надежда надевает очки

НАДЯ. Андрей Иванович, пожалуйста, не надо. Андрей Иванович, у вас же сердце.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ой, а много еще? Это же совсем скоро!

Андрей Иванович вспоминает, много ли там еще...

НАДЯ. Чуть больше половины. Но структура всей главы у Андрея Ивановича уже есть. Поэтому к сроку он должен успеть.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Удивительно, конечно! Надя...

НАДЯ. Я вычитываю работы Андрея Ивановича. И в соответствии с правками мы ставим сроки написания следующей главы. Софа, сходи за горошком.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Да-да, Надя, что ни спросишь такие ответы...

НАДЯ. Какие?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Правильные.

Надя снимает очки.

НАДЕЖДА. Вот за что люблю Софию Михайловну, так за проницательность.

Стук двери. Входит Борис Петрович. Широким шагом переступает порог. У него в руках помятый букет полевых цветов.

Надежда надевает очки.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Дорогие брачующиеся, позвольте поздравить вас с годовщиной...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Боря! Боря, здравствуй! Пожалуйста, прими Софию Михайловну под ручку и сходите купите горошка. Вот вам 50 рублей. Сдачу оставь себе.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Так вам же не нужен этот дурацкий горошек

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Какой же салат без горошка? Петрович, держи полтинник
БОРИС ПЕТРОВИЧ. Не надо мне вот этих ваших денег, Андрей Иванович. Что я на горошек не зарабатываю? Будет мой вам подарок. Может еще чего?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Горошка достаточно. Ступайте.

*София Михайловна берет деньги. София Михайловна и Борис Петрович уходят.
Сквозняк громко захлопывает двери.*

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА (*слышна издали*). Ага, полтаха на горошек. Сдачу себе оставь. От это барская рука, от это я понимаю...

Андрей Иванович и Надя остаются одни.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя. Ты, меня прости, конечно...

НАДЯ. Ой, Андрюш, я сама не знала, что она приедет и...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя, а как так вышло, что чуть больше половины? Я помню, что у нас были другие договоренности на этот срок.

НАДЯ. Так ты не из-за Катерины?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да пошла твоя Катерина к чертовой матери! Сдача на носу! О чем ты вообще думаешь?

НАДЯ. Андрей, план работы есть, структура есть, я все успею дописать.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя, ты говоришь, как мои студенты. Только я их потом выгоняю из университета к чертям собачим. Ты хоть понимаешь, как эта диссертация важна для моей карьеры. Мне через год на пенсию. И что, ты хочешь, чтобы я так и остался кандидатом наук. По-твоему, это все, чего я достоин? По-твоему, я достоин диссертации в которой, план работы есть, структура есть, а больше...? А больше и нет ничего. Зато она все успеет! Ты понимаешь, в какое положение меня ставишь?

НАДЯ. Андрей, Андрюша, я все успею, пожалуйста, не переживай. Праздник же. Мне малину нужно было пересадить. А это долго. Но я все успею, Андрей, я все сделаю.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Какая малина, Надя? Сопли своей малиной вытереть можешь.

*У Нади слезы в глазах, она сняла очки. И у Надежды глаза на мокром месте.
Надежда надевает очки.*

НАДЯ. Андрей, не надо. У тебя же сердце.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да! У меня сердце. А ты заставляешь меня нервничать. Зато у нас малина! Блестяще! Коньяку мне налей. Дура! Дура!

*У Нади трясутся руки. Она подходит к серванту с хрусталем, где на видном месте
стоит коньяк.*

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Быстрее я сказал!!

Андрей Иванович встает, подходит к Наде, отталкивает ее.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Слушай меня внимательно. Если завтра к вечеру работа не будет готова, то следующие полгода будешь жить на свою учительскую пенсию. Ни копейки не дам. Я буду есть со стола, а ты с пола. Можешь даже свое постельное белье готовить, если не успеешь. Я тебя предупредил. Я тебе обеспечил роскошную жизнь, будь добра, отплати мне тем же.

Надя не сдерживает слез. Андрей Иванович достает рюмку.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Это что такое? Я просил, чтобы рюмки всегда были чистые? Это сложно или что? Я просил или нет?

*Андрей Иванович кидает рюмку в стену в сторону Нади.
. Раздается голос Бориса Петровича, вой сквозняка, стук двери и смеха Софии Михайловны.*

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Тааак, Екатерина Андреевна, не споткнитесь.
СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Да, все еще не прибили порог. А ты, голубушка, не только себе можешь навредить.

Смех.

КАТЯ. София Михайловна, а кому еще?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ну мало ли кому. *(Взглядом указывает на живот Кати)*
Э! Молодожены, смотрите кого привели.

КАТЯ. София Михайловна, я не понимаю о чем вы, но мне кажется, что вы не правы. Поверьте, будь я беременна, вы бы первая узнали. После меня, конечно.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ой, Катька, да ты чего? Хорошо, что приехала, даже не беременная. Успеется еще. У нас на свежем воздухе знаешь как беременеется!

*Пауза. Надя застыла возле серванта. Андрей Иванович смотрел в одну точку.
Гости замерли.*

КАТЯ. Мама! Мамочка!

Надя очнулась.

НАДЯ. Катенька! Дочка!

Женщины обнимаются.

Андрей Иванович покашливает и жестами выражает свое недовольство. К нему подходит Борис Петрович.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Андрей Иванович, горошек прибыл. И сдача вот.

*Борис Петрович протягивает ему деньги. Андрей Иванович отмахивается.
Обращается к Кате.*

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. НУ И КАКИМИ СУДЬБАМИ?

Женщины отпрянули друг от друга.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Сдача говорю вот. *Возьми, говорю.*

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Может за стол уже сядем, а? Человек с дороги! Садись, малая, в ногах правды нет.

НАДЯ *(вытирая/скрывая слезы)*. Аккуратнее. Осколки. Это я уронила, растяпа такая. Сейчас быстренько уберу и сядем. Там как раз сердечки готовы. Сейчас-Сейчас.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА.. Надька, так давай помогу. Петрович, ты тоже не стой, давай осколки убери.

Надя снимает очки

НАДЕЖДА Очень жаль себя, конечно. Смотреть не могу.

Надежда надевает очки.

*Надя, София Михайловна, Борис Петрович выходят из комнаты.
Между отцом и дочерью долгое молчание.*

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты еще не бросила?

КАТЯ. Бросила. Снова вот начала.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Дай мне, пока мать не видит.

Катя протягивает сигарету. Андрей Иванович затягивается.

КАТЯ. Не помню, что бы ты курил.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. (Затягивается) А я бросил. Еще в молодости. Надя просила очень. У меня же сердце больное. Говорит вредно это. Плакала, говорила, что сама закурит. Знает, что я женщин курящих не люблю. Нет, ты-то кури, если хочется. А мне ее так порадовать тогда хотелось. И я так боялся, что она уйдет от меня, что бросит, что сам бросил курить.

КАТЯ. Теперь не боишься?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Чего бояться-то?

КАТЯ. Что уйдет?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Теперь не боюсь. (Пауза) Ну куда она денется? В нашем-то возрасте.

КАТЯ. Я маму забрать хочу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Не понял.

КАТЯ. Я маму забрать хочу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В смысле забрать? Куда забрать?

КАТЯ. Мне предложили работу во Франции. Я согласилась. И хочу забрать маму с собой. Мне кажется, что там ей будет лучше, чем...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, продолжай! Лучше чем здесь?

КАТЯ. Да! Лучше чем здесь.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты в своем уме?

КАТЯ. Пап, может без сцен сегодня? Пять лет прошло. Я не за этим приехала.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ах, не за этим она приехала! А что? По родителям затосковала?

КАТЯ. Отец, пожалуйста, не надо. Мне предложили работу во Франции. Я согласилась. Приехала предложить маме поехать со мной.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А мне предложить не хочешь? Только мать забрать?

КАТЯ. У тебя же карьера. Я думала...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Раньше, Катя, надо было думать. Хотя думать – это, конечно, не твое. Тут ты в мать.

КАТЯ. Знаешь что, Андрей Иванович, (*выдыхает*) я одного понять не могу. Если ты такой великий математик, кандидат, прости господи, наук, что же ты сам не смог высчитать ту ошибку и объяснить ее на защите. Ну неужели маленькая опечатка такой блохи, как я, могла стоять тебе степени в тот раз? Ну неужели минуте размышлений и оценке ситуации ты предпочел изворачиваться как уж на сковороде и идти на повторную защиту? А знаешь ли ты, что в некоторых американских университетах на защитах

специально заменяют работы студентов на неверные, чтобы проверить на сколько они разбираются в материале. А также это позволяет проверить, сам ли студент писал работу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты к чему клонишь?

КАТЯ. К тому, что ту работу писал не ты.

Пауза.

КАТЯ. Я не знаю, кто. Но точно не ты.

Пауза.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Пошла вон.

Пауза

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Пошла вон. Пошла вон! ПОШЛА ВОН! Ты дрянь. Я дал тебе все! А ты малолетка неблагодарная. Не смей! Не смей на меня клеветать! Не смей быть в моем доме! Хрен тебе, а не мать увезти! Я 45 лет занимаюсь математикой, мои тексты читают в твоих этих американских университетах. Это благодаря моим работам ты каждый год отдыхала на море, мои работы выбили тебе бесплатное место в университете. Ты мелочь пузатая ела мои работы на завтрак, обед и ужин. А теперь заявляешь, что не я их писал. Дрянь! Паршивка мелкая! Пошла вон!

*Надя стоит в дверях. Ее не замечают.
Катя достает из кармана пачку сигарету. Закуривает.*

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Тебе-то хоть курить можно?

КАТЯ. В смысле?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Не залетала еще?

КАТЯ. Да не беременная я! (Пауза)

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А пора бы! Ты не молодеешь. Что, уroda хочешь родить, да? А чем старше женщина, тем больше вероятность, что получится урод.

Катя возмущена, но ее прерывает шум из кухни. Забегает София Михайловна, в руках тарелка с вареной картошкой. Спотыкается о порог:

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА(оборачивается в сторону Нади). Твою ж..! Надя, когда вы его... О! Андрей Иванович, когда вы его прибьете?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Пока кто-нибудь лоб не расшибет.

София Михайловна ставит тарелку на стол. Подходит к Кате, забирает сигарету и сама затягивается. Выходит, но останавливается в пороге.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ох, не к добру это, не к добру...

Уходит.

На кухне включилось радио. Играет какая-то веселая песня.

Борис Петрович широким шагом переступает порог. У него в каждой руке тарелка с салатом, под мышкой веник с совком. Ставит тарелки на стол. Подходит к осколкам, наклоняется и собирает их на совок. Выбрасывает.

Садится рядом с Андреем Ивановичем. Пауза.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Это ну, короче, может выпьем?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, Боря, выпить давно пора. Белое, красное?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ага. Это, праздник ведь. Слушай, может прозрачное что есть?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Боря! Да выпей ты хоть раз что-нибудь приличное. Ты же знаешь, мой бар всегда открыт для тебя. Давай лучше коньячку. Мне студент подарил. И не смотри так! Правда подарил. Вот если бы он принес мне бутылку коньяка, потом сдавал бы у меня экзамен, сдал бы, конечно, плохо, а я его в институте бы оставил – это взятка. А так, сам посуду, принес, пришел на экзамен, не сдал, я его и выгнал. За коньяк меня не купил, значит – не взятка.

Андрей Иванович выбирает стопки.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Какие-то липкие они, Боря. Что-то Надежда совсем все запустила.

Находит чистые. Наливает коньяк.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Тааак! Давай, Борька, хлопнем по рюмочке. Ты пей-пей. Небось на заводе своем даже не нюхал

БОРИС ПЕТРОВИЧ. В ЖЭКе...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Что, прости? Завод, ЖЭК, какая разница! Пей, давай!

Андрей Иванович поднимает стопку, выдыхает и выпивает коньяк полностью. Борис Петрович долго смотрит на Андрея Ивановича, поднимает свою стопку, но выпить не успевает. В комнату, переступив порог, входит София Михайловна. В одной руке – вилки, в другой – ножи. За ней идет Надя, также переступив порог. В руках у нее тарелка с куриными сердечками.

НАДЯ. Вот, сердечки. Надеюсь успели замариноваться.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Борька, гад ты такой, пьешь уже? А ну и мне налей.

Борис Петрович опрокидывает стопку.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Соф Михална, легко!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Только мне вот этой дряни не надо. У меня изжога от нее знаете ли. Мне и беленькой можно. А, Надь, может, как его, ликера? Мы сегодня с Надькой маленечко пригубили. Думала, язык проглочу. Я вот утром как выпила, весь день рот облизывала. Хотя под сердечки лучше водочку. Надь, может их проткнуть надо? Ну чтоб удобнее было закусывать. У меня и эти зубочистки есть. Принести? Ну проткнуть...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. И давно, ты Наденька, спиртосодержащим по утрам балуешься?

НАДЯ. Софа, нанизать. Не проткнуть, а нанизать. У меня были шпажки, точно были...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ: Надя, Бог с ними. Сядь уже, а?

Надя садится между дочерью и мужем. Все сидят и молчат.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Э! Кого хороним? Давайте хоть помянем! Петрович, организуй нам по чарочке!

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Так это да. Я мигом. Праздник как-никак.

НАДЯ. Сейчас-сейчас.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Сядь! Что ж тебе нейдет-то, беспокойная! Петрович, быстро, поухаживай за дамами.

Борис Петрович достает из кармана брюк бутылку водки.

БОРИС ПЕТРОВИЧ *(смущенно)*. Вот такая вот. Пойдет?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Боря, ну ты с ума сошел? Ты хоть знаешь, где ее разливают?

НАДЯ *(резко)*. Пойдет!

Все смотрят на Надю.

НАДЯ. Борис Петрович, пожалуйста, наливайте.

Борис Петрович откручивает крышку на бутылке и наливает в рюмки, начиная с противоположного конца стола. Сначала Софье Михайловне, смотрит на Катю. Катя показывает жестом, чтобы ей налили. Переходит к рюмке Андрея Ивановича. Тот кладет ладонь на рюмку.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Нет уж спасибо. Я со своим.

Наливает коньяк, который все еще стоит возле него.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ой, гляньте на него! Я тут давно спросить хотела. Почему у вас алкоголь за книгами стоит? И что там за Есениным? Я как не спрошу, так для него все рано

Борис Петрович наливает водку Наде и себе. Поднимает рюмку

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Ну...!

Надя не дожидается опрокидывает рюмку.

НАДЯ. За Есениным, София Михайловна, мышьяк. Для него пока рановато, всему свое время. А алкоголь за книгами, сами понимаете, так интеллигентнее,! Люди, когда в комнату заходят, что видят? Правильно, книги! И думают, что? Правильно, какая интеллигентная семья здесь живет. А что за этими книгами стоит – *никого не волнует.*

Катя встает из-за стола, прогуливается по комнате. Подходит к книжному шкафу и опрокидывает одна за одной книги. Поднимается пыль. За книгами видны бутылки с алкоголем, несколько пустых бутылок. Видны даже стопки. Все делают вид, что не замечают.

Надежда: Очень эффектно.

Борис Петрович встает, чтобы произнести тост

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Так это, ну! Праздник же. Надя, Андрей Иваныч, сорок лет прожили вместе... Так давайте, еще сорок! А лучше по пятьдесят!

Надя снимает очки

Надежда. Вот за что люблю Бориса Петровича, так это за душевность.

Надежда надевает очки

Борис Петрович смеется и опрокидывает рюмку с водкой. Все молчат. Борис Петрович громко выдыхает и садится.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Да разве это жизнь? Ну, Бог с вами. Будем.

Вытягивает руку, все чокаются. Молчат.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наденька, а включи музыку.

НАДЯ. Андрей Иванович, голова раскалывается. Может посидим немного в тишине?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя, пожалуйста, включи музыку. Ты не видишь? Гостям тошно.

Надя подходит к приемнику и включает его. Начинает играть быстрая музыка. Надя садится за стол. Все молчат. Катя выжидающе смотрит на отца и мать. София Михайловна рассматривает стакан. Борис Петрович молча жуует то ли салат, то ли закуску какую-то.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. О! Давайте расскажу, как мы с милой моей познакомились. Я помню, как первый раз увидел Надюшу. Стоит такая маленькая, серьезная, страшненько умная. Я ее, конечно, не сразу заметил. Она тогда на первом курсе была, я – на третьем. Я – из Минска, она – из Сморгони. Я начал ей знаки внимания оказывать, а она на меня и не взглянет. И знаете, мне так по-мужски обидно было...

НАДЯ. Но вы не растерялись, Андрей Иванович, и быстро закрутили роман со Светланой из филологического.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А что, мне страдать надо было? Молодость – она для радости. Выйду на пенсию, там настрадаюсь.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА *(тихо)*. Главное нас с собой не тащи.

Надя берет первую попавшуюся рюмку с водкой на столе. Выпивает. Все делают вид, что увлеченно слушают Андрея Ивановича. Надя встает, подходит к радиоприемнику и делает музыку громче. Садится за стол.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. А дальше-то, дальше что?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А дальше мы поехали на конференцию в Москву! Тогда собрали лучших со всего Советского Союза. И представьте мое удивление, когда я увидел в автобусе первокурсницу Надю. Любопытно-любопытно подумал. Подхожу к ней, спрашиваю, Надюша, а вы что тут делаете? А она мне...

НАДЯ. Меня зовут Надежда.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну да, ну да. Надюша постоянно обижалась на меня, когда я звал ее Надюша. А я думал, ну как такая крошка может быть Надеждой? Только Надюша. Так вот, я ей и говорю: милочка, вы едете слушать умнейшие голоса Советского Союза? А она мне: «У меня, знаете ли, тоже голос есть. Читать еду». И уткнулась в свои конспекты.

Надя снова подходит к радиоприемнику. Музыка становится еще громче. Садится на место.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. А дальше?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*почти кричит*). А дальше конференция. Летняя Москва, студентки в цветастых платьях, песни под гитару. Хорошее время было. Я тогда усердно готовился к выступлению. В себе не сомневался. Выступил я правда хорошо, если не сказать лучше всех, но...

ВСЕ. НО?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Но первое место заняла Надюша.

НАДЯ. Надежда, меня зовут Надежда.

КАТЯ. И как ты отреагировал?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я как будто провалился. Меня оглушило. Сейчас я думаю, что, наверное, в тот момент влюбился. Но тогда мне казалось, что я ее разорву.

Музыка остановилась.

НАДЯ. И разорвал.

ВСЕ. Разорвал?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надюша, ну что ты такое говоришь? Я ухаживать начал. Цветы дарил, просил знакомых стихи написать, билеты в ее Сморгонь доставал из-под земли, когда мама ее заболела. Я картошку даже тогда копал за тебя на сборах. Понимаете, у Надюши в молодости проблемы со спиной. Ей нельзя было. А место в общаге нужно было. Вот я за нее и копал. По-человечески помогал, без всяких там видов. А потом, ой смешно было, мы погрузим все на тележку, и Наденька катит ее проверяющему. Еле-еле так катит. Проверяющий, значит, взвесит эту картошку и поверить не может, мол, как вы такая крошка, столько накопать смогли. А Надюша только смущается и улыбается в кулачок, и меня в поле взглядом ищет. Вот такая любовь, представляете.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. О теперь понятно, почему Надежда стала вашей женой.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. От ты, конечно, слезу из камня вышибешь. (*ньет*)

КАТЯ. София Михайловна, дядя Боря, а вы разве не знали эту историю?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА, БОРИС ПЕТРОВИЧ. Знали, но забыли.

КАТЯ. Мама?

НАДЯ. И я забыла. Забыла. Забыла. Забыла.

*Надя встает, подходит к радиоприемнику, сделала тише, переключила станцию.
Снова сделала громче. Возвращается на место.*

КАТЯ. Мама, но почему ты отказалась от карьеры в науке?

Надя наливает себе рюмку водки.

НАДЯ. Забыла.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Невозможно совмещать семью и работу. Побаловалась в юности и хватит. В семье должен быть один ученый.

НАДЯ. Забыла, забыла, забыла.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. И если бы наша Надя пошла бы в науку, а я не спорю, что у нее был большой потенциал, ей абсолютно не хватало времени на любовь. И на тебя, Катя, у нее бы тоже времени не хватало бы.

НАДЯ. Забыла, забыла, забыла.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. И к тому же Катя много болела.

НАДЯ. Забыла, забыла, забыла.

Надя начинает плакать. Встает и ходит вокруг стола. С каждым кругом шаг все быстрее. Все молчат.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Любовь – это жертвенность. Кто-то должен. А у женщин она в природе заложена. Для них муж – Бог. Так всегда было и так всегда будет. Не отдавая, женщина счастливой быть не может. Любовь – это жертвенность. Надя, сядь!

Надя с грохотом опрокидывает радио и выбегает из комнаты. Она цепляется за порог и падает. С нее слетают и разбиваются очки. Лежит пару секунд. Встает, снимает туфель и начинает прибивать порог.

НАДЯ. Ненавижу! Да когда же мы починим этот порог! Ненавижу любовь твою, тебя ненавижу! Столько лет терпеть и спотыкаться! Ненавижу, как ты выглядишь, дышишь, смотришь. Столько синяков из-за этого порога, шишек столько. Я же убьюсь когда-нибудь! Как же я тебя ненавижу, работы эти твои, диссертации. Мои! Мои диссертация! Ну надо же починить его когда-нибудь! Починить! Починить! Сколько можно?

*Надя стучит по порогу, плачет, задыхается, глубоко дышит. Внезапно затихает.
Ступор.
Первый приходит в себя Борис Петрович.*

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Надя! Надя, я же не хотел. Прости меня. Надь ты чего?
СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. А я говорила – убьется.

*София Михайловна делает глоток воды, мочит пальцы и стряхивает воду на Надю
Надя не оживает. . Подбегает Катя. Легонько бьет Надю по щекам.*

КАТЯ Мама! Мамочка! Очнись, мама! Врача! Вызывайте скорую.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Катя, не толпись. Ей нужен воздух. Иди присядь.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Надя, прости меня. Я все исправлю. Я все починю.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Боря, ну при чем тут ты? Это не ты ей на мозги капал. Иди посиди. Нечего тут фонить.

Надя. Приходит в себя. Открывает глаза. Пытается встать, но у нее не получается..

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Тише-тише. Наденька, Надюш, перепугала ты нас, конечно. Надя, Надя, может на стул сядем?!

Надя оглядывает комнату. Оглядывает людей в ней.

КАТЯ: Может скорую?

К Наде подходит Андрей Иванович

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Так, Надя, посмотри на меня. Следи за моим пальцем

Андрей Иванович водит пальцем из стороны в сторону. Надя по-прежнему оглядывается по сторонам.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Так с нее очки слетели! Она ж слепая у меня совсем. Боря, быстро очки принеси.

Борис Петрович кинулся за очками.

НАДЯ. Я прекрасно все вижу.

Все смотрят в сторону Нади. Пауза.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ожила!

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Слава тебе, Господи! *(Крестится)*

НАДЯ. Я прекрасно все вижу.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Да поняли, Надя, мы поняли.

НАДЯ. Надя. Да. А вы?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Что я?

НАДЯ. Вас как зовут?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ты головой ударилась?

НАДЯ. Я головой ударилась? Мне действительно немного болит голова.

КАТЯ. Может все-таки врача?

НАДЯ. Нет уж! Давайте милицию. Или вы объясняете мне, что тут происходит.

Либо я вызываю милицию

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надюша, дорогая, ты чего? Милая моя *(пытается обнять)*

НАДЯ *(отстраняясь)*. Мужчина, руки! Вы кто вообще такой?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя! Наденька, ты чего? Ну иди сюда, хорошая моя...

НАДЯ. Кто вы такой?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Это игра? Ты подшофе что ли? Хорошо. Я, Гладков Андрей Иванович, твой муж уже как 40 лет. У нас счастливый брак, мы очень любим друг друга и поддерживаем. Я кандидат математических наук, работаю в университете, меня уважают и ценят на кафедре. Скоро мне присвоят докторскую степень...

НАДЯ. Вот оно как. А дети у нас есть?

Катя переглядывается с Андреем Ивановичем.

НАДЯ. Так что, дети у нас есть?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну там сложная история. У нас есть дочь Катя. Но она в силу определенных обстоятельств отдалась от нас. Но мы с тобой вдвоем отлично справляемся.

НАДЯ. Это я ее чем-то обидела?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Это правда тяжелая тема, Надя. А у нас сегодня праздник. У нас годовщина.

НАДЯ. Да? И Кати не будет? А внуки?

Пауза.

КАТЯ. А расскажите о себе, пожалуйста.

НАДЯ. Да, конечно. Я, Светлая Надежда Викторовна, доктор математических наук. Я давно не преподаю, потому что меня больше привлекает исследовательская деятельность. *(Пауза)* Странно. Я знаю, что хочу рассказать. Но как будто не помню. Ужасно странное чувство. Начинаю говорить, а не говорится. Это, наверное, возраст *(кокетливо поправляет прядь)*

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты Гладкова!

НАДЯ. Нет-нет, Гладков – это, видимо, вы. А я - Светлая.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Это не смешно. Это совсем-совсем не смешно.
НАДЯ. Согласна. Но я точно не могу быть Гладковой. В этом я уверена.

Пауза. Надя сидит на одном месте. Все склонились над Надей. Рассматривают ее недоверчиво, насторожено.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА(шепотом). Она забыла!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Что забыла?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Да все забыла! У нее эта, как там ее?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Амнезия?

КАТЯ. Амнезия?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Да! У нее амнезия!

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Амнезия, точно-точно.

КАТЯ. Да не может быть у нее амнезии. Так резко это не происходит.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Катя, в нашем возрасте все может. Мне тут рассказывали, что одна бабка пошла в магазин за хлебом. А там ей на кассе какой-то молодняк нахамил. И она, представь, так возмутилась, так расстроилась, что забыла дорогу домой. Это этот, как его, - стресс. Вот от него что угодно может быть, даже вши. А забыть чего от нервов – как два пальца об асфальт. Вот у нее точно такая же херня, только без хлеба.

НАДЯ. А ничего, что я здесь?

София Михайловна садится на колени рядом с Надей.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Надя...

НАДЯ. Надежда, меня зовут Надежда. А вас, простите?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Софа.

НАДЕЖДА. Просто Софа?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. София Михайловна.

НАДЕЖДА. Вот, совсем другое дело. София Михайловна, я прекрасно помню свою жизнь. Такую, как моя, не забудешь. Но я абсолютно не имею представления, кто вы такие. О какой годовщине говорит этот мужчина, не понимаю, что вы все здесь делаете, почему накрыт стол. Я не понимаю, понимать не хочу. Возможно я покажусь грубой, но не могли бы вы все по-хорошему уйти?

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА (*Вскидывает руки*). Ну что ж ты сделаешь? Надя, тьфу ты, Надежда, смотри эта твоя дочь Катя! Я, София Михайловна, мы уже лет 30 приятельницы, вот брат мой, Борька. Муж твой, Андрей Иванович...

К женщине подходит Андрей Иванович.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да-да. Надюша...

Надежда укоризненно покашливает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надежда, пожалуйста, перестань. Давай отправим всех по домам, мы все немного устали. Я заварю чай, и мы обо всем спокойно поговорим. У меня есть несколько интересных мыслей по поводу той работы, которую я пишу. Уверен, что тебе было бы любопытно их услышать. Как сорок лет назад. Ну, хорошая моя, вспомни, сколько ночей мы провели за разговорами о математике. Мы же есть не могли, пока до сути не доходили. Ну, давай. Друзья, спасибо всем за вечер...

НАДЕЖДА. Подождите, какая математика, какой чай, какие сорок лет назад? Что вы такое говорите?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надюш...

НАДЕЖДА. Надежда!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надежда! Уже не смешно. Милая моя, ты вспомни, пожалуйста, о чем мы говорили до прихода гостей?

НАДЕЖДА. Мужчина, я вас вообще не помню, математику не помню, чай не помню. У меня страшно раскалывается голова. Уйдите, пожалуйста.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя... Надежа, у нас с тобой есть некоторые договоренности, напомню тебе.

НАДЕЖДА. Какие договоренности? Я вас не помню. И мне кажется, что помнить особо не хочу. А вы мне тут про договоренности.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Быстро, быстро перестала ломать комедию. Так, товарищи, расходимся...

НАДЕЖДА. Стоп! Вы все уйдете.

Андрей Иванович опешил. Он смотрит на Софию Михайловну, переводит взгляд на Катю. Хватает ее за руку и резко ставит перед Надеждой.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Хорошо, зайдем с другой стороны. Надежда, это твоя дочь Катя. Ты ведь ее помнишь? Вы очень близки. *(подбегает книжному шкафу, вытаскивает книгу, из книги достает детский рисунок)* Вот! Вот смотри это она когда-то нарисовала для тебя. Пальчиками своими детскими нарисовала. Ты спряла его от меня потому что мы Катериной серьезно поссорились и не общались. Мне было невыносимо от всего, что связано с ней. Конечно, мы теперь помирились. Но всякий раз, когда тебе было плохо, а я не мог помочь, ты открывала эту книгу, подолгу смотрела в нее, ты на рисунок смотрела, и светлела. Надежда, ты и этого не помнишь? Ты от дочери откажешься. Надя, ты ведь самый близкий человек, который у нее есть. Ты ее мать. Неужели ты забыла?

НАДЕЖДА. Очень странный вечер. А мне обязательно с вами нужно общаться, да? Мне, честно говоря, не очень хочется. И я не понимаю, почему вы все просто не уйдете и не оставите меня в покое. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

Надежда и Катя долго смотрят друг на друга

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А еще она уезжает скоро навсегда!

Надежда и Катя долго смотрят друг на друга

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В Париж! И хочет забрать тебя с собой. И я тебя даже отпущу! Ты мне только поможешь с одним делом, и все, можешь ехать. Ну что вспомнила?

Надежда отводит взгляд.

НАДЕЖДА. Вы путайтесь в показаниях. У нас же там какие-то трудности с дочерью. Но в общем-то неважно. Это правда?

КАТЯ. Это правда, мама.

Пауза.

НАДЕЖДА. Простите, мне жаль. Я правда вас не помню. Мне очень-очень жаль.

Катя смотрит на Надежду. Отворачивается к стене. Тихонько плачет.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА (*крестится*). Она правда ничего не помнит. Ни одна бы мать не отказалась бы так просто от своего ребенка. Тем более Надя. Если бы у меня была дочь, я бы сшила нитками наши юбки. Я бы никогда ни за что не отпустила.

София Михайловна подходит к Кате и обнимает ее за плечи.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА: Тише, детка, тише, маленькая. Она просто не помнит, просто не помнит. У нее амнезия.

Пауза. Все молчат. Слышны всхлипы Кати.

НАДЯ. Закройте, пожалуйста, дверь – сквозит.

Борис Петрович наливает рюмку водки, выпивает. Идет и закрывает дверь.

НАДЯ. Спасибо. А с вами мы тоже как будто знакомы?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Борис Петрович. Ну... Боря.

НАДЯ. Вам очень подходит Борис Петрович. Но если вы не возражаете, я буду обращаться к вам просто Боря.

БОРИС ПЕТРОВИЧ (*смущенно*). Нет, не возражаю. Надежда, может быть вы хотите чая? Или салатик вот. И, ну это, я помочь чем могу?

НАДЕЖДА. Вы уже помогли. Вот дверь закрыли. И мне лучше. А может музыку включим? Все равно, я так понимаю, вы все не уйдете.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Конечно. А то это, как будто хороним кого-то.

Борис Петрович поднимает радио, которое уронила Надя. Включает его. Оно неприятно шумит.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Твою ж налево, перемкнуло что-то, когда падало. Но ничего, мы это сейчас быстро поправим. Еще лучше петь будет.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ишь, рукастый ты наш.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Рукастый, а как же!

Борис Петрович открывает крышку радио, дует на нее, что-то зажимает, закрывает крышку. Включает. Играет песня М. Кристаллинской «У тебя такие глаза»

НАДЕЖДА. Я так люблю эту песню.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты помнишь эту песню?

НАДЕЖДА. Что за вопрос? Конечно, как можно забыть свою любимую песню. Боря, можно пригласить вас на танец.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Я как-то не очень по танцам.

НАДЕЖДА. А если я вас научу? Идите сюда.

Надежда и Борис Петрович встречаются посередине комнаты. Она кладет ему ладонь на плечо, вторую ладонь в его, голову опускает на его плечо. Они медленно кружатся в танце. Все смотрят на них. Катя еле заметно улыбается. София Михайловна умилено вздыхает:

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА (*шепотом*). Божечки, он же этого полжизни ждал. Влюблен был по самые уши.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Надежда, знаете, я уже лет 30 не танцевал

НАДЕЖДА. Зря, Боря. У вас отлично получается. Мне кажется вы очень добрый. Я таких чувствую. А у вас есть жена?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Нет. Не получилось.

НАДЕЖДА. А кто о вас заботится?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Так вот Софа, сестра моя.

НАДЕЖДА. София Михайловна ваша сестра? Видимо, доброта – это у вас семейное. Мне кажется, что она тоже очень добрая.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Софка – двоюродная моя. Я о ней тоже стараюсь, она ж младшенькая моя. Тоже одна. Это, наверное, как и у меня, семейное. Я был влюблен в одну девушку. Но она вышла замуж за другого, по-умнее чем я.

НАДЕЖДА. Мне жаль, Боря. Я всегда говорила, что между умными и добрыми, нужно выбирать добрых. Но это понимание с возрастом приходит.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Не знаю, наверное.

НАДЕЖДА. Только вы не отчаивайтесь. Любовь она такая, никогда не знаешь, где и как встретишь. Не удивлюсь, если ваша где-то рядом. А про девушку эту даже не вспоминайте. Будем надеяться, что у нее все хорошо.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Надежда, ну вы что, в моем возрасте, ну какая любовь?

НАДЕЖДА. Никогда не поздно начать новую жизнь. Даже если она может закончиться завтра.

Надежда и Борис Петрович продолжают танцевать. Рядом с ними резко встает Андрей Иванович.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя, ты совсем сдурела. Ты забыла, кто это? Он же тупой как бочка, Надя! Ты забыла, кто я такой? Я твой муж! Я твой законный муж! И ты при мне смеешь танцевать вот с этим? Боря, а ты? Ну, а ты? Она не больная, это она мне назло. Чтобы чувства во мне разбудить. Господа, я уже немного подустал от спектакля. Прошу вас покинуть помещение. А с тобой (*указывает пальцем на Надежду*) я отдельно поговорю!

НАДЕЖДА. Да как вы смеете?! Как вы смеете разговаривать со мной таким тоном? Кто вам дал такое право? Я была бы совсем душой, если бы вышла за вас замуж! И если вы еще раз скажете что-то подобное про Бориса Петровича, я лично вытолкну вас за эту дверь!

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. О, а этого я ждала полжизни.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя, ты совсем берега пугаешь? Ты забыла кто тебя кормит или что? Ты же тут на птичьих правах, дорогая. И это я, если захочу, вытолкну тебя эту дверь. Поняла меня?

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Надежда, отойдите, пожалуйста...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Боря, ты что делаешь?

Надежда отходит на расстояние. Борис Петрович внезапно бьет Андрея Ивановича по лицу.

Андрей Иванович пятится назад, держа за щеку. Катя ставит стул рядом с ним. Андрей Иванович садится.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя! Надежда, мать твою! Ты это видела? Ну у меня же сердце больное, Надя! Да приди ты в себя! Льда мне принеси. Кто-нибудь! Как я в институте появлюсь. У меня же защита через неделю! Да что ж вы стоите. Сумасшедший дом, театр абсурда! Надя! Катя! Катя, ты же не оставишь отца. Катя! Надя!...

Все молчат и не делают ни единого движения.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да пошли вы!

Андрей Иванович встает и быстро направляется к двери. Дверь не поддается. Он дергает ручку, стучит в дверь кулаком. Дверь не поддается.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да вы издеваетесь что ли? Вы убить меня хотите или что? Откройте эту чертову...

Андрей Иванович прерывается и начинает тяжело дышать, хватается за сердце. Все стоят.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*задыхаясь*). Вы так и будете стоять?

Соят.

НАДЕЖДА. Вы бы еще покашляли, Гладков Андрей Иванович.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Я вас умоляю. Такие, как вы не умрут никогда.

Андрей Иванович продолжает сидеть возле стены. К двери подходит Катя, открывает и выходит из комнаты.

София Михайловна наливает стакан воды и подносит Андрею Ивановичу.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Прибили бы вы порог, Андрей Иванович.

Андрей Иванович с ненавистью смотрит на Софию Михайловну. Берет стакан воды и жадно выпивает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Как же все будет? Защита, кафедра, я. Как же все будет...

Все смотрят в сторону Надежды.

НАДЕЖДА. Не помню, как у вас все было. Но если вы так переживаете, то, видимо, теперь все будет по-другому. Вы, наверняка, догадались, что я многое забыла. Я забыла, что меня обижали, забыла, что меня заставили жить не свою жизнь, что принимали решения за меня. Я забыла, что оставила любимую работу, забыла, что в меня бросались предметами, забыла, что меня бросали, когда мне было невыносимо. Я забыла, что я слабая, зависимая и покорная. И если мы правда были женаты, то я забыла, почему стала вашей женой.

Андрей Иванович опешил. Все опешили.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Надя. Наденька! Надюша! Я же пропаду! Ты же знаешь, что пропаду. Я же люблю тебя больше жизни. Пожалуйста, не оставляй меня, не надо, у меня же сердце...

НАДЕЖДА. У всех есть ограниченное право на жестокость. Я ни чем не могу вам помочь. Боря, включите, пожалуйста, музыку.

Борис Иванович включает радио. Играет музыка. Андрей Иванович подходит к порогу, садится на пол, хватается за голову.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Молодец ты, Надежда! Просто все забыть. Все забыть. Как я сама до этого не додумалась. Вот, я заботливая. Все одинокие люди заботливые.

Бог не дал мне детей, но дал много любви. А вам он дал все остальное. Но любви мне конечно перепало. А отдавать некому. Я прожила долгую жизнь. Не скажу, что прекрасную. Не может она быть такой, когда любви много, а я одна. Я вот, что поняла: никогда, слышите никогда нельзя выплескивать любовь сразу. Отдавать ее по капельке, по чайной ложке. По чуть-чуть. Если такие, как я, опустеют хотя бы на секунду без этой нашей любви, мир сожмется. Тут помогла, там похвалила, здесь успокоила. Однажды придется выбирать, например, сегодня вы готовите пирог человеку, он его съедает, промокает губы салфеткой и уходит. Либо вы подоткнете одеяло, пока он спит, и он останется рядом на всю ночь. Если вы одиноки и в вас так же много любви, всегда выбирайте себя, а не кого-то другого. Поверьте, другим и так хватит. Я знаю, что говорю. Я прожила долгую жизнь. Как бы я хотела забыть, что во мне так много любви.

В дверях стоит Катя и плачет. У нее в руках два чемодана. Они встречаются взглядами с Софией Михайловной.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Подумай, детка, о детях. Не зарекайся.

Катя подходит к Софье Михайловне и обнимает ее.

КАТЯ. Мама! Меня пригласили работать во Францию. И ты поедешь со мной. Я не хочу, чтобы ты оставалась здесь. Мама, я собрала твои вещи. Сейчас приедет такси. Мама, пожалуйста. Поживешь для себя. Ты же не была нигде кроме Крыма. Мама, пожалуйста, поехали. Ты очень нужна мне.

НАДЕЖДА. Не хочу.

КАТЯ. Что?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ: Что?

НАДЕЖДА. В моем возрасте то, чего не было – уже не будет. Я отрекаюсь от того, что я была твоей женой. Меня никогда не унижали. От меня никогда не откупались. За меня никогда не принимали решения. Мною никогда не манипулировал любимый муж. Я была замужем, но когда-то по молодости. Я ученный, я математик. В американском университете читают мои работы. Студенты ссылаются на меня в своих дипломах. Я всегда была любима. У меня были потрясающие любовники. Моя дочь живет во Франции. Каждую неделю звонит и рассказывает, как у нее дела. Моя внучка делится со мной секретами. Я езжу на море, встречаю рассветы и смеюсь с Софией Михайловной. Боря приносит мне цветы каждую неделю по давней симпатии. Я самая счастливая женщина на свете. Если это не моя жизнь, то я отказываюсь ее помнить.

КАТЯ. Мама?

НАДЕЖДА. Да, милая?

КАТЯ. Такси приехало. Пойдем. Отец, дай пройти. Мам, я жду на улице...

Андрей Иванович все в той же позе.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*тихо*). Как же я? Как же я? Вы должны любить меня. Меня должны любить. И бояться, и уважать. Меня без этого не будет. Никто никуда не уедет.

Андрей Иванович резко вскакивает и выбегает из комнаты.

КАТЯ. Дядя Боря, пожалуйста, помогите донести чемоданы.

БОРИС ПЕТРОВИЧ. Прости, Господи, прости. Конечно, Катюша. Надежда, я хочу, чтобы вы знали... (*молчит*) Нет, не сейчас. Потом скажу. Куда нам спешить.

Катя и Борис Петрович уходят. В комнате только Надежда и София Михайловна.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ну, что, подруга, прощаемся?

Надежда встает и подходит к Софии Михайловне. Жестом просит объятий.

НАДЕЖДА. Прощаемся, подруга... Спасибо тебе, Софа, за дружбу. Если бы не ты, я бы, наверное, еще раньше головой стукнулась.

Женщины смотрят друг на друга, смеются и обнимаются. София Михайловна вытирает слезы.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Так, долгие проводы – лишние слезу. Ты хоть сыру этого вонючего пришли что ли.

НАДЕЖДА. Обязательно, Софочка, обязательно.

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА. Ну, будем!

София Михайловна уходит.

Надежда вздыхает и тоже выходит. Слышен звук запирающейся двери. Она заходит обратно в комнату. Включает радио. Снова играет М. Кристаллинская «Такие глаза». Через время слышны стуки в дверь, крики «Надя» и «мама», «открой»! Еще через время они стихают.

НАДЕЖДА. Как хорошо. Боже, как хорошо, как спокойно.

Светлая Надежда Викторовна садится в кресло и закрывает глаза.

КОНЕЦ